

В. В. Ярков

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СОДЕРЖИТ ЛИ СТАТЬЯ 248.1 АПК РФ ПРЕЗУМПЦИЮ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ РОССИЙСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ*?

В статье исследуются относительно новые положения ст. 248.1 АПК РФ, которые устанавливают исключительную компетенцию российских судов для российских лиц, находящихся под санкциями. Анализ практики применения арбитражными судами правил данной статьи позволяет выделить три критерия для ее использования: предметный критерий, субъективный критерий и отсутствие иного установленного порядка разрешения спора.

На основе изучения судебной практики автор обосновывает вывод о том, что применение ограничительных мер в отношении российского лица является достаточным для обоснованного предположения о наличии для него ограничений самого доступа к правосудию, несоблюдении гарантий справедливого судебного разбирательства, т. е. о действии презумпции ограничения доступа российского лица, к которому применены меры ограничительного характера, к правосудию в иностранном государстве. В таком случае применяются правила об исключительной компетенции российского арбитражного суда на основании ст. 248.1 АПК РФ. При этом указанная презумпция является опровержимой. Очевидно, что обязанность опровержения презумпции ограничения доступа к правосудию в иностранном государстве возлагается на ответчика по иску российского лица.

Ключевые слова: санкции, ограничительные меры, арбитражный суд, презумпция

Для цитирования

Ярков В. В. Содержит ли статья 248.1 АПК РФ презумпцию ограничения процессуальных прав российских лиц в условиях санкций? // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 65–73. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_65.

УДК 342.91/.95

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_65

Понятие презумпции: очень кратко. Согласно устоявшемуся подходу в законодательстве, судебной практике и доктрине презумпция представляет собой предположение о наличии или отсутствии определенных юридических фактов, которые необходимо установить для разрешения дела [Решетникова 2013: 129–131; Нахова 2017: 203, 204]. Презумпция переносит бремя доказывания с одной спорящей стороны на другую.

При этом юридическое предположение не заменяет собой юридический факт, а выступает в качестве особого типа связи между юридическими фактами [Качур 1982: 6]. Презумпция указывает на юридические факты (презюмируемые), которые в силу высокой степени вероятности их осуществления

признаются действительными, истинными при условии их неопровержения.

Некоторые исследователи подразделяют презумпции на материально-правовые и процессуально-правовые [Ойгензихт 1975: 26]. С этим выводом можно согласиться в той части, что презумпции закрепляются как в материально-правовых, так и в процессуальных актах. Однако при этом презумпции, закрепленные в материально-правовых источниках права, имеют двойственное значение и порождают самые разные последствия.

Материально-правовое значение презумпции состоит в том, что презюмируемый факт считается существующим, доказанным, если

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта научной группы № 0102/23.

он не опровергнут. Процессуальное значение презумпции определяется ее воздействием как детерминанты процессуальной деятельности участников дела. Сторона, против которой действует презумпция, должна опровергнуть презюмируемый факт. Тем самым презумпция определяет необходимость совершения соответствующим субъектом процессуальных действий по доказыванию и освобождает от доказывания другую сторону. В связи с этим И. Н. Зайцев справедливо относит презумпции к числу процессуальных льгот [Зайцев 1981: 23]. Суд также учитывает наличие презюмируемых фактов в собственной доказательственной деятельности. Таким образом, правовые последствия презюмируемых фактов в процессуальном отношении обуславливают деятельность его участников и определяют конкретного субъекта, который должен совершить соответствующие действия. В силу сказанного любая материально-правовая презумпция является одновременно процессуальной.

По общему правилу, «сторона спора, в пользу которой установлена презумпция, может ссылаться на факты, но не обязана их доказывать» [Особенности арбитражного производства 2019: 85]. Поэтому для подтверждения существования презюмируемого факта достаточно утверждения соответствующей стороны, в пользу которой установлена презумпция. Такое волеизъявление стороны имеет односторонний характер, поскольку сторона, указывая на существование презюмируемого факта, не связана позицией другой стороны, а исходит из закрепления в соответствующей норме права и / или судебной практике правовой презумпции.

Предусматривает ли ст. 248.1 АПК РФ презумпцию, и если да, то какого содержания? Данная статья была введена в арбитражное процессуальное законодательство относительно недавно Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ¹. Для правильного понимания, выявления смысла нормы и ее содержания обратимся к нескольким

¹ Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза».

источникам, в частности к материалам, подготовленным для целей принятия данного нормативного акта, к судебной практике толкования нормы и др.

Ключевые подходы к толкованию выработаны в общей теории права. С. С. Алексеев писал, что «существенные особенности приобретает толкование в случае, когда оно является элементом применения права» [Алексеев 1973: 167]. В частности, толкование, направленное на уяснение целей издания правовых актов, называется телеологическим (целевым) [Перевалов 2016: 238]. В. Д. Перевалов справедливо указывал, что подобное толкование необходимо в условиях меняющейся общественно-политической обстановки [Там же]. С. С. Алексеев отмечал важную роль в толковании норм права данных, относящихся «...к ходу и характеру подготовки, обсуждения и принятия закона, его отдельных положений» [Алексеев 1999: 136].

Указанный контекст принятия законопроекта, которым были введены в АПК РФ ст. 248.1 и 248.2, очевиден и хорошо отражен в подготовительных материалах. Так, в пояснительной записке к законопроекту говорилось следующее: «...Граждане Российской Федерации и российские юридические лица в связи с введением в отношении них мер ограничительного характера фактически лишены возможности защищать свои права в судах иностранных государств, международных организаций или третейских судах, находящихся за пределами территории Российской Федерации».

В целях защиты прав указанных лиц на полноценное судебное разбирательство законопроектом предусматривается, что иск к ним предъявляется в арбитражный суд или суд общей юрисдикции по месту их нахождения в Российской Федерации либо по месту нахождения на территории Российской Федерации их имущества.

Таким лицам предоставляется право в одностороннем порядке внести в действующие соглашения, в соответствии с которыми рассмотрение споров с участием граждан Российской Федерации и российских юридических лиц отнесено к компетенции судов иностранных государств, международных организаций или третейских судов, находящихся за пределами территории Российской Федерации, изменения, предусматривающие включение в такие соглашения условия

о рассмотрении спора судом Российской Федерации в соответствии с его компетенцией и правом Российской Федерации или условия о передаче спора на рассмотрение третейского суда с местом арбитража на территории Российской Федерации»¹.

Выявлению содержания ст. 248.1 АПК РФ существенно помогает и ее судебное толкование как разновидность официального толкования. Для применения ст. 248.1 АПК РФ необходимо одновременное соблюдение трех условий.

Первое условие – предметный критерий, а именно наличие спора, соответствующего критериям ст. 248.1 АПК РФ.

Второе условие относится к субъектному критерию. Первоначальное толкование сводилось к тому, что правила исключительной компетенции распространяются только на лиц, в отношении которых были введены ограничительные меры², независимо от их статуса³. Затем толкование изменилось, и в судебной практике положения ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ стали толковаться с учетом того, что не имеет правового значения, введены ли меры ограничительного характера в отношении российского юридического лица государством, в котором расположен иностранный суд или арбитраж, или данное государство лишь проявляет лояльное отношение к санкциям.

Например, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 января 2023 г. № 09АП-87847/22 по делу № А40-191489/2022 было указано: «...В силу пункта 7.1 части 6 статьи 27 АПК РФ споры, указанные в статье 248.1 настоящего Кодекса, рассматриваются арбитражными судами независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты прав отдельных категорий физических и юридических лиц в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 июля 2020 г. по делу № А40-107039/19.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 января 2021 г. № Ф05-541/2021 по делу № А40-201344/2020.

Таким образом, из буквального толкования положений п. 2 ч. 2 ст. 248.1 АПК РФ следует, что к исключительной компетенции арбитражных судов РФ прямо отнесены, в том числе, споры одного иностранного юридического лица с другим иностранным юридическим лицом, если основанием для таких споров являются ограничительные меры, введенные в отношении граждан Российской Федерации.

При этом ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ не требует, чтобы ограничительные меры (санкции) были наложены непосредственно на истца по спору. Для установления исключительной компетенции достаточно того, чтобы санкции выступали основанием спора и истец выразил свое волеизъявление на разрешение спора в российском суде.

В рассматриваемом случае приложенными к исковому заявлению доказательствами подтверждается, что настоящий спор возник вследствие неисполнения ответчиком своих договорных обязательств перед истцом по причине введения антироссийских санкций,

---

Для установления исключительной компетенции достаточно того, чтобы санкции выступали основанием спора и истец выразил свое волеизъявление на разрешение спора в российском суде

что в силу п. 2 ч. 1 ст. 248.1 АПК РФ также указывает на исключительную компетенцию арбитражного суда РФ безотносительно включения или невключения непосредственно истца в санкционные списки».

В другом деле было сказано, что «...в силу включения корпоративно контролируемых Истца лиц в санкционные списки США, Соединенного королевства и др. иностранных государств пророгационные соглашения, заключенные между Истцом и Ответчиками, более не являются действительными и должны оцениваться во взаимосвязи с ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ»⁴.

Третье условие заключается в отсутствии иного установленного международным договором или соглашением сторон порядка разрешения спора в иностранном суде или арбитраже. Правила исключительной компе-

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2023 г. № 09АП-84757/2022 по делу № А40-74815/2022.

тенции в ст. 248.1 АПК РФ не распространяются на российских лиц, если в отношении них действует международный договор, определивший иначе компетентный орган для разрешения спора с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, либо если российские лица заключили соглашение, в котором определен иностранный суд, международный коммерческий арбитраж, находящийся за пределами территории РФ, для рассмотрения споров с их участием. Однако наличие пророгационного или арбитражного соглашения не является непреодолимым препятствием для использования правил исключительной компетенции по ст. 248.1 АПК РФ, поскольку буквальное соблюдение условий такого соглашения может ограничить право на судебную защиту.

Согласно постановлению Арбитражного суда Московского округа от 3 февраля 2023 г. № Ф05-35601/22 по делу № А40-98865/2022 «введение иностранными государствами ограничительных мер (запретов и персональных санкций) в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц, обусловленное политическими мотивами, не может не создавать сомнений в том, что соответствующий спор будет рассмотрен на территории иностранного государства с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, в том числе касающихся беспристрастности суда, что составляет один из элементов доступности правосудия.

Таким образом, российское юридическое лицо, в отношении которого введены меры ограничительного характера, вправе обратиться в арбитражный суд в Российской Федерации с заявлением о запрете инициировать или продолжать разбирательство в соответствующем иностранном суде (международном коммерческом арбитраже), если иностранное государство, на территории которого проводится судебное разбирательство, применяет меры ограничительного характера. При этом отдельное доказывание затруднения в доступе к правосудию в иностранном государстве не требуется».

Резюме. Как видно, используя приведенные приемы толкования (телеологическое и судебное), можно сделать вывод о том, что применение ограничительных мер в отношении российского лица является достаточным для обоснованного предположения

о наличии ограничений самого доступа его к правосудию и об ограничении гарантий справедливого судебного разбирательства. Иными словами, здесь действует презумпция ограничения доступа российского лица, к которому применены меры ограничительного характера, к правосудию в иностранном государстве.

Наиболее ясно позиция о наличии презумпции была сформулирована в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 декабря 2021 г. № 309-ЭС21-6955 (1-3) по делу № А60-36897/2020. Здесь на основе анализа ст. 248.1 АПК РФ и подготовительных материалов к ней была прямо сформулирована следующая правовая позиция (*ratio decidenti*):

«Таким образом, из системного толкования приведенных правовых норм и с учетом целей законодательного регулирования следует, что сам по себе факт введения в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, находящемся за пределами территории Российской Федерации, мер ограничительного характера, предполагается достаточным для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию.

Ограничительные меры имеют, во-первых, личный характер, т. е. адресованы конкретному лицу персонально, а во-вторых, публичный характер, то есть общеобязательны и основаны на силе и авторитете публичной государственной власти. Введение иностранными государствами ограничительных мер (запретов и персональных санкций) в отношении российских лиц поражает их в правах как минимум репутационно и тем самым заведомо ставит их в неравное положение с иными лицами. В таких условиях вполне оправданны сомнения в том, что спор с участием лица, находящегося в государстве, применившем ограничительные меры, будет рассмотрен на территории иностранного государства, также применившего ограничительные меры, с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, в том числе касающихся беспристрастности суда, что составляет один из элементов доступности правосудия».

Следовательно, ст. 248.1 АПК РФ, закрепляя право российского лица на исключительную компетенцию российского суда, основана на предположении, что оно (рос-

сийское лицо) в связи с введением ограничительных мер столкнется с препятствиями в доступе к правосудию в иностранном суде или арбитраже. Обязанность опровергнуть презумпцию ограничения доступа российского лица к правосудию и процессуальных прав будет лежать на другой стороне. Правовым последствием наличия данной презумпции в конкретном деле является право истца на обращение в российский суд в силу правил исключительной компетенции. Презюмируемый характер факта ограничений доступа к правосудию в связи с введением ограничительных мер против российского лица подтверждается, помимо определения Верховного Суда РФ от 9 декабря 2021 г. № 309-ЭС21-6955, другой единообразной судебной практикой¹. При этом наличие санкционного режима в судебной практике рассматривается как общеизвестный факт, не требующий доказывания².

Для признания исключительной компетенции российского арбитражного суда достаточно одностороннего волеизъявления подсанкционного российского лица путем приведения фактов применения в его отношении ограничительных мер. В решении Арбитражного суда г. Москвы от 12 августа 2022 г. по делу № А40-107628/2022 был сделан следующий вывод:

«Вопросы исключительной компетенции российских арбитражных судов по спорам с участием лиц, в отношении которых иностранные публично-правовые образования применили меры ограничительного характера, урегулированы статьей 248.1 АПК РФ.

Согласно части 4 этой статьи к исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации относятся дела, если заключенное сторонами соглашение неисполнимо по причине применения в отношении одного из лиц, участвующих в споре, мер ограничительного характера иностранным публично-правовым образованием, создающим такому лицу препятствия в доступе к правосудию.

По смыслу названной нормы само по себе применение мер ограничительного характера

¹ Решения Арбитражного суда г. Москвы от 12 августа 2022 г. по делу № А40-107628/2022, от 19 сентября 2022 г. по делу № А40-142282/2022; постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 февраля 2023 г. № Ф05-35601/22 по делу № А40-98865/2022.

² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 декабря 2022 г. № Ф03-6497/22 по делу № А73-15265/2022.

уже создает российской стороне препятствия в доступе к правосудию, в силу чего для перевода спора под юрисдикцию российских арбитражных судов достаточно ее одностороннего волеизъявления, выраженного в процессуальной форме».

Является ли презумпция опровержимой? Да, по общему правилу все презумпции являются опровержимыми. Однако презумпции могут быть опровергнуты противоположной стороной, на которую переходит бремя опровержения презюмируемого факта. Как отмечается в доктрине, «пока обстоятельство презюмируется, оно не подлежит доказыванию, ибо предполагается его установленность, что не исключает вхождение такого факта в предмет доказывания. Как только презумпция опровергнута, презюмировавшееся ранее обстоятельство подлежит доказыванию. В связи с этим представляется, что презумпция лишь сдвигает бремя доказывания, но не влияет на предмет доказывания. Если исключать презюмируемые факты из предмета доказывания, то суд был бы не вправе допускать доказательства, опровергающие презумпцию, как не относящиеся к делу, что недопустимо с позиции и законности, и разумности» [Справочник по доказыванию в арбитражном процессе 2020: 19].

Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2015 г.) было указано следующее:

«Договор, при заключении которого допущено злоупотребление правом, подлежит признанию недействительным на основании ст. 10 и 168 ГК РФ по иску лица, чьи права или охраняемые законом интересы нарушает этот договор.

Однако судами не исследовались имеющие существенное значение для правильного разрешения спора обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности сторон оспариваемой сделки.

Кроме того, судами ошибочно не принято во внимание то, что презумпция добросовестности является опровержимой».

Какими обстоятельствами может быть опровергнута презумпция? Например, является ли достаточным подтверждение возможности участвовать в судебном процессе, или необходимо подтвердить реальную возможность получить исполнение судебного акта, принятого в пользу российского юридического лица? Для правильного ответа на данный вопрос необходимо исследовать

понимание судебной защиты и ключевых составляющих права на справедливое судебное разбирательство, а именно то, являются ли право на исполнение и исполняемость судебного решения неотъемлемыми элементами права на судебную защиту.

Объем и пределы составляющих права на справедливое судебное разбирательство значимы в силу того, что в ст. 248.1 АПК РФ установлены правила исключительной судебной компетенции в отношении российских лиц, к которым применены ограничительные меры, а также указано, что необходимо обеспечить беспрепятственный доступ к правосудию российских лиц. Ориентиром здесь могут быть процессуальные права и обязанности участвующих в деле лиц, указанные в главе 5 и других главах АПК РФ, в разделе VII АПК РФ, а для сторон арбитражного разбирательства – перечисленные в ст. 41, 44–49, 318, 319 и других статьях АПК РФ. Это своего рода процессуальный стандарт справедливого правосудия, исходя из которого можно определить ключевые составляющие права на справедливое судебное разбирательство.

Право на судебную защиту включает в себя ряд составляющих его правомочий, среди которых одним из важнейших является право на исполнение судебного акта. Данный тезис является общеизвестным и отражен в практике Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. В частности, как отмечает Е. Н. Кузнецов, Конституционный Суд РФ неоднократно давал толкование ключевых элементов права на судебную защиту, объема и ключевых элементов права на справедливое судебное разбирательство, включая в него и право на исполнение судебного решения [Кузнецов 2022: 79–82]. Конституционный Суд РФ сформулировал конституционный принцип исполняемости судебного решения, без соблюдения которого восстановление в нарушенных правах и сама судебная защита будут неэффективными.

Данная позиция полностью разделяется Верховным Судом РФ, который также подчеркивает необходимость реального обеспечения действия принципа исполняемости судебного решения¹. Поэтому отсутствие

¹ См., например: п. 13 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 октября 2022 г.); п. 57 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г.).

возможности обеспечить исполняемость судебного решения, которое является неотъемлемым элементом права на справедливое судебное разбирательство, рассматривается как в российском, так и в международном праве и судебной практике как отсутствие правосудия, а не его реальное действие.

Между тем в ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ прямо сказано о мерах, «создающих такому (российскому) лицу препятствия в доступе к правосудию». Одним из таких очевидных препятствий в доступе к правосудию является отсутствие возможности исполнения судебного решения. Поэтому при отсутствии безусловных юридических гарантий, обеспечивающих фактическую, а не формально декларируемую возможность исполнения судебного решения, и при возможности вмешательства принимающих непредсказуемые публично-правовые решения третьих лиц право на правосудие является иллюзорным и не реально обеспеченным с учетом его понимания как в российском, так и в международном процессуальном праве.

Следует обратить внимание и на более широкий спектр последствий применения ограничительных мер для российского лица, которые не исчерпываются невозможностью получения присужденного по судебному акту.

В частности, после введения ограничительных мер для российского лица становится практически невозможным либо крайне затруднительным: получить визу для участия в судебном или арбитражном разбирательстве; найти иностранных адвокатов, согласных вести дела российских лиц; оплатить судебные издержки и иные судебные расходы, включая оплату юристов; воспользоваться помощью иностранных нотариусов для удостоверения или свидетельствования необходимых документов; воспользоваться услугами экспресс-почты для получения и доставки судебных документов; совершать банковские операции, связанные как с оплатой юридической помощи, так и с пребыванием российских юристов за рубежом; получить присужденное по судебному или арбитражному решению ввиду блокирования международных банковских переводов, запретительного по своей сути контроля всех денежных переводов, связанных с российскими лицами. Кроме того, публичные органы власти и банки недружественных государств обладают правом без обоснования причин либо по сугубо надуманным основаниям отказывать в совер-

шении тех или иных юридических действий, рассмотрении заявлений и обращений российских лиц и т. д.

В связи с этим лицо, утверждающее, что препятствия для доступа подсанкционного российского лица к судебной защите отсутствуют, должно привести убедительные доказательства, свидетельствующие о возможности полного соблюдения правил справедливого судебного разбирательства в отношении российского юридического или физического лица, включая беспрепятственную реализацию права российского лица на исполнение судебного решения и получение присужденного по нему.

Полагаю, что для доказывания отсутствия препятствий для доступа к правосудию российскому лицу в иностранной юрисдикции должен применяться самый высокий стандарт доказывания с подтверждением судебной практикой соответствующего иностранного государства.

Как распределяются обязанности по доказыванию между участниками процесса по применению ст. 248.1 АПК РФ? Как уже указывалось, наличие презумпций смещает бремя доказывания на одну из сторон. «Сторона спора, в пользу которой установлена презумпция, может ссылаться на факты, но не обязана их доказывать. При этом презумпции, установленные действующим законодательством, могут быть опровергнуты противоположной стороной» [Особенности арбитражного производства 2019: 85].

Поэтому обязанности по доказыванию при применении ст. 248.1 АПК РФ распределяются следующим образом. Поскольку именно на суде лежит обязанность по соответствующей правовой квалификации отношений сторон, то сам суд вправе выявить наличие предусмотренной законом презумпции, поскольку «обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права» (ч. 2 ст. 65 АПК РФ).

Приведем в пример постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27 декабря 2022 г. № Ф10-5435/22 по делу № А62-3378/2022. Суду области необходимо было выяснить, в том числе, вопрос

о реальной возможности обеспечения участником судебного разбирательства права на судебную защиту своих законных интересов на территории иностранного государства, включенного в перечень недружественных государств (разрешение данного вопроса на стадии принятия искового заявления к производству было невозможно).

Согласно ст. 248.1 АПК РФ российскому лицу-истцу достаточно доказать факт применения к нему ограничительных мер, что доказывает невозможность получения доступа к судебной защите в недружественном государстве. Напротив, отсутствие препятствий для доступа к судебной защите у российского лица, включая наличие возможности безусловного исполнения судебного решения в иностранном государстве, доказывает другая сторона, которая настаивает на отсутствии таких препятствий. Подобное распределение обязанностей по доказыванию прямо вытекает из содержания ст. 248.1 АПК РФ, приведенного выше толкования Верховного Суда РФ и единообразной судебной практики.

Выводы. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что ст. 248.1 АПК РФ содержит презумпцию, согласно которой введение ограничительных мер против российского лица предполагает невозможность получения полноценной защиты в суде или международном коммерческом арбитраже, расположенных в государствах, которые применили санкции и меры ограничительного характера в отношении Российской Федерации и российских лиц.

Данный вывод подтверждают анализ текста упомянутой статьи, подготовительных материалов к законопроекту о включении в АПК РФ ст. 248.1 и 248.2, судебной практики их применения, в том числе Верховным Судом РФ, анализ самого санкционного регулирования, а также размещенной в открытых источниках информации о фактических сложностях либо невозможности в принципе получить судебную защиту российским лицам в судах и иностранных арбитражах на территории недружественных стран. Поэтому применение ограничительных мер либо соблюдение в данном государстве санкционного режима в отношении российского лица определяет исключительную компетенцию российского арбитражного суда.

Список литературы

Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1973. Т. 2. 401 с.

Зайцев И. Н. Процессуальные льготы в гражданском судопроизводстве // Материальное право и процессуальные средства его защиты: межвуз. темат. сб. / отв. ред. Р. Е. Гукасян. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. С. 21–26.

Качур Н. Ф. Презумпции в советском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. 216 с.

Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации. М.: Статут, 2022. 336 с.

Нахова Е. А. Доказательственное право в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве. СПб.: ВВМ, 2017. 1056 с.

Ойгензихт В. А. Понятие гражданско-правовой презумпции // Советское государство и право. 1975. № 10. С. 25–33.

Особенности арбитражного производства: учеб.-практ. пособие / под ред. И. В. Решетниковой. М.: Юстиция, 2019. 323 с.

Перевалов В. Д. Теория государства и права: учеб. и практикум. 5-е изд. М.: Юрайт, 2016. 341 с.

Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе. 3-е изд. М.: Юрайт, 2013. 527 с.

Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И. В. Решетниковой. М.: Норма; Инфра-М, 2020. 360 с.

Владимир Владимирович Ярков – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: yarkov5995@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-2644-5940

Does Article 248.1 of the CPC of the Russian Federation Establish a Presumption of Restriction of the Procedural Rights of Russian Persons under Sanctions?

The article examines the relatively new provisions of Article 248.1 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation, which establish the exclusive competence of Russian courts for Russian persons under sanctions. The analysis of the practice of application of this Article by arbitration courts allows us to identify three criteria for its use: the subject criterion, the subjective criterion and the absence of another established procedure for dispute resolution.

Having studied the judicial practice, the author concludes that the application of restrictive measures against a Russian person is sufficient for a reasonable assumption that there are restrictions on access to justice for him and the observance of guarantees of a fair trial, i. e. the effect of the presumption of restricting access of a Russian person to whom restrictive measures have been applied to justice in a foreign state. In this case, the rules on the exclusive competence of the Russian arbitration court on the basis of Article 248.1 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation should be applied. At the same time, this presumption is refutable. It is obvious that the duty to refute the presumption of restricting access to justice in a foreign state rests with the defendant in the claim of a Russian person.

Keywords: sanctions, restrictive measures, commercial court, presumption

Recommended citation

Yarkov V. V. Soderzhit li stat'ya 248.1 APK RF prezumptsiyu ogranicheniya protsessual'nykh prav rossiiskikh lits v usloviyakh sanktsii? [Does Article 248.1 of the CPC of the Russian Federation Establish a Presumption of Restriction of the Procedural Rights of Russian Persons under Sanctions?], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 65–73, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_65.

References

Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy: the Experience of Complex Research], Moscow, Statut, 1999, 712 p.

Alekseev S. S. *Problemy teorii prava* [Problems of the Theory of Law], in 2 vols., Sverdlovsk, Sverdl. jurid. in-t, 1973, vol. 2, 401 p.

Kachur N. F. *Prezumptsii v sovetskom semeinom prave* [Presumptions in Soviet Family Law]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Sverdlovsk, 1982, 216 p.

Kuznetsov E. N. *Pravo na ispolnenie sudebnykh aktov v Rossiiskoi Federatsii* [The Right to the Execution of Judicial Acts in the Russian Federation], Moscow, Statut, 2022, 336 p.

Nakhova E. A. *Dokazatel'stvennoe pravo v tsivilisticheskom protsesse i administrativnom sudoproizvodstve* [Evidentiary Law in Civil Procedure and Administrative Proceedings], Saint Petersburg, VVM, 2017, 1056 p.

Oigenzikht V. A. Ponyatie grazhdansko-pravovoi prezumptsii [The Concept of Civil Presumption], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1975, no. 10, pp. 25–33.

Perevalov V. D. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, Yurait, 2016, 341 p.

Reshetnikova I. V. (ed.) *Osobennosti arbitrazhnogo proizvodstva* [Features of Commercial Proceedings], Moscow, Yustitsiya, 2019, 323 p.

Reshetnikova I. V. (ed.) *Spravochnik po dokazyvaniyu v arbitrazhnom protsesse* [Handbook of Evidence in the Commercial Procedure], Moscow, Norma, Infra-M, 2020, 360 p.

Reshetnikova I. V. *Dokazyvanie v grazhdanskom protsesse* [Proving in Civil Procedure], Moscow, Yurait, 2013, 527 p.

Zaitsev I. N. *Protsessual'nye l'goty v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Procedural Privileges in Civil Proceedings], Gukasyan R. E. (ed.) *Material'noe pravo i protsessual'nye sredstva ego zashchity* [Substantive Law and Procedural Means of Its Protection], Kalinin, Kalinin. gos. un-t, 1981, pp. 21–26.

Vladimir Yarkov – honored scientist of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, professor, head of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: yarkov5995@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-2644-5940

Дата поступления в редакцию / Received: 01.07.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023